

ГРОЗДАНА ОЛУИЧ

Голоса на ветру

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44
О-55

Grozdana Olujic
GLASOVI U VETRU

Copyright © MASCOM EC DOO Beograd
Published by agreement with Laguna, Serbia

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Олуич, Гроздана.

О-55 Голоса на ветру / Гроздана Олуич ; [перевод с сербского Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-218146-7

«Голоса на ветру» — сербские «Сто лет одиночества». За этот роман Гроздана Олуич была номинирована на престижную премию журнала НИН, которую также получили Милорад Павич и Горан Петрович.

На семнадцатом этаже нью-йоркского отеля Данилу Арацки достигают тени предков. Они вновь его нашли. И вновь пробуждают в памяти то, что хотелось бы забыть. Этой долгой ночью перед взором Данилы проносится история всей его семьи. Под окнами их фамильного дома в Караново снова вышагивает немецкий солдат, отсчитывая последние часы жизни сестры Веты. Бабушка Симка Галичанка лечит словами и травами. Мать Наталия исчезает вместе с близнецами после бомбардировки. Дедушка Лука Арацки возносится в небо на глазах всего города. Все они теперь здесь, в номере отеля. Среди теней нет только брата Петра. Поиски брата приведут Данилу к индейцам месквоки, и пророчество Симки Галичанки сбудется.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44

ISBN 978-5-04-218146-7

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Теперь у сербской литературы есть свои «Сто лет одиночества».

*Дина Катан Бен-Цион,
критик*

Роман «Голоса на ветру» — не что иное, как аутентичная сербская версия «Ста лет одиночества», книга, в которой судьбы героев переплетены не только во времени, но и в вечности, за гранью смерти, как в сказке или балладе.

Но при этом рассказанная в книге история настолько близка к реальности, что порой становится страшно.

*Дина Катан Бен-Цион,
критик*

...и длились как дым во сне и в переходящем...

Ригведа, Индия

Чего еще искала душа моя, и я не нашел...

Книга Екклесиаста, гл. 7

На семнадцатом этаже нью-йоркского отеля, когда перед ним стремительно сменялись кадры, как это бывает перед наступлением глубокого сна или перед пробуждением, доктор Данило Арацки почувствовал, что в комнате он не один. Он протянул руку, чтобы зажечь лампу, но лампы не было. Не было и столика рядом с кроватью. Пустоту и полумрак нарушали только разноцветные отблески рекламы, освещавшие часть щеки и волосы прижавшейся к его плечу женщины. Что это за женщина и как она оказалась в его кровати? Ошалевший от долгого пути и короткого сна, Данило Арацки вздрогнул, почувствовав, что теплое женское тело шевельнулось и унизанная кольцами рука прикоснулась к его бедру.

«Прекрасно, — подумал он, — чужая комната, чужая женщина, здесь меня не найдут».

— Ты так думаешь? — из полумрака, в котором сгушались тени Арацки, донесся приглушенный голос его сестры Веты, сопровождавшийся покашливанием деда, доктора Луки Арацки — он всегда начинал кашлять, когда волновался, стараясь, чтобы Рыжик его не обнаружил. Рыжик, да, именно так он его называл, ероша рукой рыжую шевелюру мальчика. Из-под сомкнутых век Данило Арацки снова увидел себя, трех лет от роду, топающего босыми ножками за своим легендарным дедом, стараясь не наступить на посаженные его руками и недавно проросшие цветы, буйствовавшие теперь повсюду.

«Эх, как же давно это было! — вздохнул Данило Арачки: — А вот, однако же, они нашли меня и на другом конце света!»

— Но мы не могли тебя не найти! — чуть слышно процедил сквозь кашель Лука Арачки, и Данило вздрогнул.

Что он хочет этим сказать?

Между временем их смерти и этой ночью на Лексингтон-авеню прошла целая вечность, протянулось пол-Европы и черная вода Атлантики. «Могли бы хоть раз обойти меня стороной, — подумал он, — не зная, что пути мертвых еще более неисповедимы, чем пути Господни...»

Вниз по его позвоночнику скользнул ужас.

— Возвращайтесь в свои могилы и оставьте меня в покое... — прошептал он и вздрогнул, заметив, как от шевельнувшейся шторы отделилась тень его сестры Веты и спросила: неужели он мог забыть, что могил у них нет и никогда не было.

По темным волосам Веты стекали капельки воды, образуя в глубине комнаты поблескивающую лужицу. господи боже, до каких же пор будет литься с нее вода той реки, в которой она исчезла? До каких же пор все они будут преследовать его и напоминать, что им некуда возвращаться? А ведь действительно некуда...

Дело только в том, что *он* не может нести ответственность за всех Арачки всего мира!

— Ты уверен? — Голос, донесшийся из толпы теней, звучал глухо, еле слышно. — Ведь *мы* только благодаря тебе *существуем*...

— Вот уж нашли благодаря кому существовать! — Данило положил на голову подушку, и комнату накрыла тяжелая, слизистая тишина, через которую пробивались только шум из глубины улицы и звук

воды, по-прежнему капающей с волос Веты. Если ему удастся достаточно долго делать вид, что он их не видит и не слышит, то голоса затихнут, тени растут. И на сей раз он бежал напрасно, надеясь, что на другом конце света его не найдут. «И тем не менее они его находили в метро, в зарослях камыша поблизости от Караново и Ясенка, на берегу моря, в каньонах улиц, на вершинах гор!» — отмечал неизвестный автор «Карановской летописи», приводя в качестве доказательства запутанную карту дорог Данило Арацки от Караново и Ясенка до Гамбурга, Белграда, Нью-Йорка, Хикори-Хилл.

Несколько важных остановок на этом пути создатель «Карановской летописи» пропустил. Может, по невнимательности, а может, из-за того, что считал не таким уж важным все, что не связано с Караново и некогда влиятельной семьей Арацки.

— Ерунда! — сказал себе Данило, пытаясь заснуть. Но и в эту последнюю ночь в Нью-Йорке сон бежал от него так же, как и в первую, когда за окном отеля «Атертон» падали и тупо ударялись об асфальт улицы человеческие тела. «Должно быть, мерещится?» — подумал он, но вскоре понял, что происходящее вовсе не было фрагментом его кошмара. Несколько следующих дней все нью-йоркские газеты писали о самоубийцах из «Атертона» — состарившихся бухгалтерях, медицинских сестрах, учительницах, дома которых были снесены под строительную площадку для новых зданий, чьи крыши теряются в облаках и где не место бывшим жильцам. Комнатенки с «удобствами на этаже» в «Атертоне» становились для них последним пристанищем до тех пор, пока хватало сбережений. А потом выход один — прыжок в окно.

Тогда, на Лексингтон-авеню, он этого не знал, но, следя за тенями, которые на мгновения застилали его окна, догадывался, что происходит что-то страшное, и прислушивался к голосам пьяных в глубине улицы, смотрел на освещенные окна соседних домов, жители которых ходят друг у друга над головами, едят, спариваются, ссорятся, гасят свет и исчезают в темноте.

Уже во второй приезд в Нью-Йорк его перестали интересовать их чудовищные жизни. Только «Атертон» с тупыми ударами человеческих тел об асфальт продолжал саднить как открытая рана. Правда, потерявшись от скорости, с которой судьбы Арацки мелькали в воспоминаниях, доказывая, что жизни предков, прицепившись к свои живым потомкам, не перестают повторяться и длиться, он еще не знал, что и ночь с незнакомой женщиной в кровати запомнится ему подобным же образом.

«Как и в чьих воспоминаниях будет продолжаться мое существование?» — спрашивал себя Данило, не отводя взгляда от непрерывной игры света на обнаженном плече женщины; ее лицо под рассыпавшимися прядями светлых волос рассмотреть не удалось. Ясно была видна только пульсировавшая синяя жилка на шее.

Молодая полная женщина плыла по каким-то известным только ей водам, во сне она громко дышала, а тени Арацки постепенно подтаивали в свете нью-йоркского неба, усыпанного мелкими погасшими звездами. Что это за женщина? И как она оказалась в его кровати? Данило положил руку на ее грудь и улыбнулся.

— Спокойной ночи и счастливого плавания, Данило Арацки! — прошептал он самому себе и погру-

зился в мягкое женское тело, удивляясь легкости ее согласия и силе своего желания.

Не просыпаясь, женщина приняла его в себя, продолжая храпеть.

— Прекрасно, моя королева! — Данило усмехнулся и перевел взгляд на здание на другой стороне улицы, пестрящее световыми сообщениями о том, где выгоднее всего ночевать, есть, лечиться, умирать, пользуясь услугами Royal Hospitals и Imperial Funerals!

«Фьюнералс?»¹

Через несколько дней ему придется решать, останется ли он в Америке или уезжает на вечные времена. Если вечные времена существуют? Если все, что происходит, происходит не случайно: и любовь, и ненависть, и смерть, и жизнь? Если все это не одно лишь повторение того, что произошло с каким-то давним Арацки, который впал в сон в мрачных лесах Закарпатья, а пробудился любующимся на мощное течение какой-то реки? И здесь, на берегу этой реки, он, по семейной легенде, поставил дом, первый в Караново, даже не подозревая, что строит его на дне Паннонского моря, исчезнувшего в другом море, Черном, вместе со всеми ракушками, рыбами, русалками и всевозможными чудищами, сохранив только свое имя. Данило Арацки вдруг затрепетал, что это — то ли в нем снова просыпается мрак закарпатских лесов, то ли скитания — это вечный рок Арацки, которые никак не могут пустить корни там, где они смогли бы жить без войны, без необходимости становиться беженцами, без стремительного и насильственного ухода из жизни?

¹ Похороны (англ. Funerals). (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. ред.)

«А войны приходят, и конца им не видно!» — записал добросовестный автор «Карановской летописи», не указывая ни имен воюющих сторон, ни продолжительности столкновений и укрепляя Данилу в уверенности, что и в будущем добиться прочного мира невозможно, что война всегда будет где-то рядом, за дверью.

Этот Шепчущий из Божьего сна, как называл самого себя автор «Карановской летописи», кажется, не подозревал, не видел и не верил, что существует какой-то более счастливый мир.

* * *

Женщина у Данило за спиной отодвинулась и что-то пробормотала, кажется, на одном из балтийских языков. Он не смог разобрать, что именно, так же как и не смог вспомнить, была ли женщина уже в кровати, когда он, не зажигая света, положил голову на подушку, или же прокралась в комнату, когда он заснул. Белело ее брошенное на спинку стула платье, а тени Арацки то приближались, то исчезали, оставаясь реальными только в воспоминаниях Данило и на потрепанных страницах «Карановской летописи», обнаруженной в полумраке магазина антикварных книг в Тарту, недалеко от побережья Балтийского моря. Какой-то пожилой человек в знак благодарности за то, что в свое время доктор Лука Арацки спас ему жизнь, передал ее Данило и исчез. Знал ли он, что Луки Арацки давно нет в живых, осталось тайной, такой же как и имя этого человека, который искал в Тарту анатомический атлас, напечатанный сто пятьдесят шесть лет назад, а нашел «Карановскую летопись», посвященную главным образом семье Арацки, самой старой и влиятельной в Караново.

Так, после многолетних скитаний, «Карановская летопись» оказалась у Данило Арацки. Затем, через много лет, она попала в руки Дамьяна, сына Данило, в качестве части его «Дневника», в котором он, скользя вниз по родословному древу Арацки, пытался вернуть время, уверенный, что их судьбы не продолжатся из поколения в поколение, а повторяются, словно подтверждая чью-то жестокую шутку насчет того, что смысла в человеческой жизни ровно столько, сколько вносит в нее он сам, если тем временем не забудет, кто он такой.

* * *

И для того чтобы это постигнуть, вовсе не требуется, чтобы в дверь постучалась глубокая старость. Кто-то когда-то произнес эти слова, а он их запомнил и сохранил в своей памяти вместе с множеством других, столь же маловажных.

Прохладный день и водоворот березовых листьев в воздухе... Из какой же жизни пробралось к нему, не отводящему взгляда от рыжеволосой девушки, прижавшейся щекой к стволу дерева, это воспоминание о первых признаках осени? С кем она разговаривает, переходя от ствола к стволу среди построек с решетками на окнах, под мутным небом, где не видно ни одной живой души, по дорожке, петляющей среди бывших княжеских конюшен, превращенных теперь в корпуса психиатрической больницы на Губереваце? Нарушив правило, запрещающее разговаривать с больными в отсутствие врача или санитаря, Данило Арацки, проходящий на Губереваце стажировку, подошел к рыжеволосой с вопросом, что случилось, кого она ищет и может ли он ей помочь. Ответ, что

она ищет дерево, взявшее в рабство ее душу, в первый момент показался ему смешным, а потом страшным. Нет, не только душу, но и имя. Девушка с сочувственной улыбкой объяснила ему, что именно из-за этого блуждает здесь безымянной и незнакомой с самой собой. Из-за этого. Из-за этого. Так что, пока она не найдет свое имя, ей придется быть тем же, что и камешек на дорожке или снежинка, которую первый же луч солнца превратит в каплю воды или во что-то еще, менее важное, безымянное.

— Врачи и санитары наверняка знают твое имя... — пробормотал Арацки.

— Ты думаешь? — Рыжеволосая еще плотнее прижалась к дереву. — Если бы они знали, то не называли меня Миленой, а иногда Ружей! — Девушка замолкла и повернулась к нему спиной. Пусть он больше ни о чем не спрашивает, *слова разлетаются от нее в стороны как испуганные птицы*. Напрасно она заполняет страницы тетрадки в пестрой обложке записями о том, как что называется. Мир вокруг нее распадается быстрее, чем тает утренний туман. Напрасно врачи стараются выгравировать в ее сознании ее собственное имя, *а ее имя действительно Ружа*. Ружа Рашула, девочка без родителей, выросшая в детских домах, так же как и он, твердо решившая найти родителей и родственников, узнать, кто она, найти дерево, укравшее у нее душу. В то, что зовут ее Ружа Рашула, девушка не верила. Какое глупое имя, смеялась она. Отказывалась отвечать на вопросы врачей, отказывалась от еды, перестала умываться, спать, разговаривать с больными и санитарями.

— Тебя зовут Ружа! Ружа Рашула! — Данило Арацки изо всех сил пытался помочь своей первой паци-

ентке, потрясенный скоростью, с которой девушка теряла самое себя. Ей всего двадцать три, ну, может быть, двадцать пять. Болезнь Альцгеймера в таком возрасте встречается редко, тем не менее Ружа Рашула очень быстро пришла в такое состояние, что не могла вспомнить ничего. Спрятанный в стволе какого-то дерева ключ мог бы освободить ее душу, но она не знала, где это дерево и где этот ключ. Ружа Рашула не ее имя, шептала она загадочно. Нет. Нет.

Неожиданно Ружа Рашула исчезла.

Решив, что не будет заниматься лечением сломанных рук и ног, Данило Арацки попытался узнать, что с ней произошло. Тщетно. Он видел ее еще только раз, гораздо позже, когда государство начало распадаться. Не означала ли ее сочувственная улыбка, что она узнала его? Он не мог определить этого и не был вполне уверен, что это именно Ружа Рашула, а не какая-то другая рыжеволосая девушка перешла улицу на красный свет и, не оглянувшись, исчезла в толпе незнакомых людей.

* * *

Уйти или вернуться? Запомнить или забыть? Если бы он мог выбирать, Данило Арацки и сам не был вполне уверен, что бы он выбрал.

* * *

Если бы Арацки забыли его и прервали с ним связь, над которой не властны ни время, ни пространство, то прекратились бы и эти визиты. Все, что он о них знал, основано на смутных воспоминаниях жителей Караново, которые превратили жизнь членов семьи Арацки в миф о красоте и проклятии.

Однако «Карановская летопись» оставляет возможность не только красоте, но и некоему скрытому безумию. Ибо чем, как не безумием, объяснить абсолютно непонятный отказ Луки Арацки принять орден «За героизм» и звание полковника? Что, как не безумие, и его заявление, что все войны он считает проклятым делом и отказывается участвовать в них, или его утверждение, что после Балканских войн и Первой мировой все войны для него мертвы, ввиду чего он предает свою офицерскую форму огню.

На двадцать третьей странице «Летописи» создатель легенды об Арацки на мгновение сделал паузу, а затем, немного позже, поражаясь действиям Луки Арацки, записал, что ни он сам, ни Караново так и не поняли, почему тот отверг предложение служить в Генеральном штабе.

Ведь если бы не отказ, он, возможно, появился бы однажды и с генеральскими погонами, которым такое большое значение придавала его жена Петрана, по которой сохли и офицеры, и аристократы, и картежники, и богачи, и многие другие несчастные от Караново до Вены.

«Только глупец может отвергнуть такую честь!» — взорвалась красавица Петрана, а Лука Арацки с усмешкой пробормотал, что «ее муж как раз из таких глупцов!». Получить генеральский чин — это большое дело, но он изучал медицину не для того, чтобы убивать людей, а чтобы спасать их...

Чем он и занимался до тех пор, пока в Караново не вошел первый танк Второй мировой войны, а само Караново не украсилось кусками белой ткани в знак сдачи, до смерти напуганное рассказами о том, что гитлеровцы используют пленных в качестве сырья для изготовления мыла.

В этот момент кто-то швырнул ручную гранату в толпу детворы, сбежавшейся посмотреть на железное чудовище. Когда и как доктор Арацки сумел на лету поймать ее и броситься с ней под танк, в Караново бытовало несколько версий. Совпадали они только в одном — танк вместе с Лукой Арацки в тот же момент превратился в пылающий факел, так что семье даже нечего было похоронить, кроме нескольких обгоревших костей старого ратника, о чьих подвигах слагались легенды, которые, останься тот жив, он не стал бы ни принимать, ни опровергать.

В любой момент он был готов помочь и больным, и роженицам. Особенно роженицам. Не случайно автор «Карановской летописи» записал, что количества детей, появлению на свет которых поспособствовал доктор Лука Арацки, было достаточно, чтобы заселить ими небольшой город. Уничтожение эмбриона было для него более тяжким грехом, чем убийство.

— Каждый ребенок — это благословение Божье! — часто повторял он. — И в один прекрасный день каждый ребенок станет для кого-то радостью!

Что это за день и кому выпадет радость, а может быть, и мука, «Карановская летопись» не уточняла. Однако на шестьдесят восьмой странице имелась запись, что на похоронах «доктора и полковника Луки Арацки присутствовали все жители Караново, а его рыжеволосый внук Данило заявил, что доктор Арацки не умер, а улетел на небо и вернется назад цветком или птицей, потому что никто и ничто не исчезает навечно!».

«Нужно просто ждать!» — добавил Рыжик, что изумило всех, кто его слышал, и напугало всех, кто его любил.